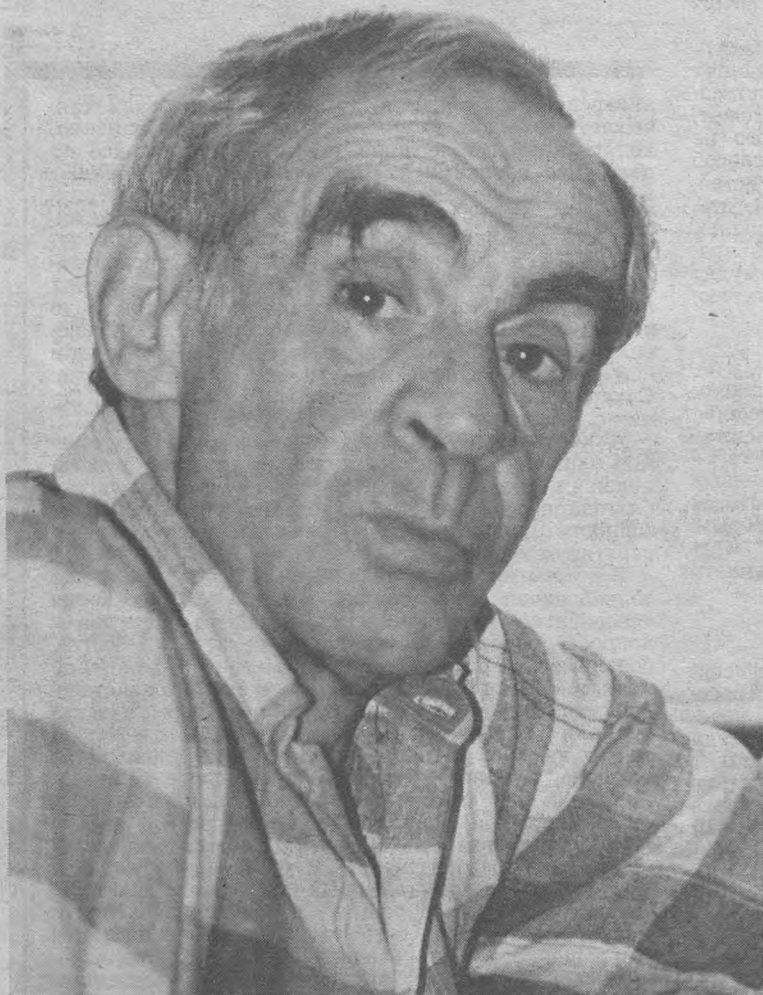

«ДЛЯ ТЕХ, КТО ПОНИМАЕТ»

ЗИНОВИЮ Гердту исполняется 75 лет. Первое, что мне в связи с этим событием вспоминается, — совсем недавно подслушанный разговор на премьере в столичном театре. Зал переполнен. Куда ни глянешь — лица знакомых и любимых артистов. Впереди меня сидят две девушки лет по 18—19. Озираются, перешептываются. И вдруг одна:

— Ой, смотри, Гердт пришел!

Думаю: что же ты, милая, молчала, когда в зал входили не менее знаменитые артисты? А она как будто объяснила мне:

— Ой, я так его люблю!

И обе подружки усталились на Зиновию Ефимовича, разыскивающего свое место. Ну, понимаю, были бы постарше, из тех что млели от восторга, услышав голос «закадрового» Гердта в «Девушках с площади Испании» или, скажем, в «Полицейских и ворах», где артист дал возможность печальному комуки Тото прекрасно заговорить по-русски.

Так ведь когда это было! Ведь эти девушки еще и на свет не родились, когда вышли на экран главные фильмы с участием Гердта «Фокусник» и «Золотой теленок». А когда он играл в театре Образцова «Чертову мельницу» или «Необыкновенный концерт», они небось ходили не на спектакли для взрослых, а на детские утренники.

Но, может, они из тех театралок, что побывали на «Костюмере» в Театре им. Ермоловой, где артист играет главную роль? Или посещали его творческие вечера? Может быть... Но, скорее всего, дело в другом. У Гердта слава особенная. Он, играя только «для тех, кто понимает», как выразился в одной из своих песен Булат Окуджава, создал свою, особую аудиторию близких ему по духу людей. Постепенно эта аудитория стала многомиллионной. Такое прежде случалось только с поэтами. Помните, у И. Сельвинского: «Это великий читатель стиха почувствовал боль своего поэта». На долю артистов такое счастье выпадает редко, несмотря на всю их «звездную» популярность. Для этого они должны быть не только артистами. Чем же еще? Тем, чем стал Гердт.

диокомитета. Так случилось, что я демобилизовался в 1945-м, а он раньше, после тяжелейшего ранения. Подходим к дому, где оба жили. Вдруг Гердт оступился и, тихо сказав «ой», упал на снег. Я стою над ним в шинели без погон, а он лежит на снегу в пижонском пальто лимонного цвета.

— Я сломал ногу, — спокойно говорит Гердт.

А я и так это вижу, и у меня от ужаса перехватило дыхание. Ведь нога-то много раз оперирована, и не знаю, сколько ломана. А Гердт говорит очень спокойно, видя, что со мной делается:

— Не волнуйся, поднимись домой и позвони в «Скору». Спокойно, слышишь, спокойно.

Я позвонил и вернулся. Наш дом был почти за городом. Вокруг — никого. Ни стоны я не услышал от своего друга до приезда «Скорой помощи». Потом — носилки, захлопнувшаяся дверь с красным крестом, и все.

Известно, что доктора, которые лечили Гердта, все до одного очень его любили. Он их смешил и развлекал даже на операционном столе. А про свои скитания по госпиталям артист не любил рассказывать и никогда не надевал боевых наград и орденов планок не носил. Так же, как наш общий друг писатель Александр Володин, у которого от войны до сих пор осколок в легком.

Я думаю, что, когда Гердт выходит на сцену, зрители, пришедшие встретиться с ним — такие у него бывают специальные вечера, чувствуют, что хоть он ни слова не говорит о войне, перед ними не только артист. А кто же еще?

РЕДАКЦИЯ попросила меня написать веселое поздравительное обращение к Зиновию Гердту. А у меня веселое, как видно, не получается. Ну, хорошо, попробую. Знаете, как Гердт танцевал до войны? Некоторое время это повторялось почти каждый вечер в здании на улице Воровского, где теперь Театр киноактера, а прежде просто крутили кино. Там между сеансами играл джаз. У Гердта была постоянная партнерша. И когда они выходили на блестящий паркет, все пары останавливались и смотрели, как невысокий юноша такое выделял стилем, который назывался «линдой», что профессионалы завидовали. Потом, когда стихал джаз, раздавались восторженные аплодисменты.

А почему? Гердт был удивительно пластичен. Один из его учителей в ар-

бузовской студии Валентин Плучек, бывший мейерхольдовский артист, постиг все премудрости биомеханики. Кроме того, он танцевал стэп, пусть не так, как Фред Астор, но очень лихо. Все это перешло к Гердту, который всегда умел учиться. С тех давних лет и по сей день.

В спектакле «Город на заре» этот тонкий невысокий юноша сыграл роль Вени Альтмана, которую, как все создатели этой пьесы, написал для себя сам. Вени считает себя неудачником: учился играть на скрипке, но понял, — великого скрипача из него не получится и поехал на строительство Комсомольска-на-Амуре. Гердт сыграл эту роль так, что зритель поверил: Вени еще докажет, на что он способен, талант его еще засияет ослепительно ярко. Всей своей жизнью артист подтвердил мою веру и веру всех зрителей первого спектакля «Город на заре» в необыкновенный талант Вени Альтмана — Зиновию Гердта. Это был труднейший путь, если учесть тяжелое фронтовое ранение моего друга.

Но куклы в театре Образцова, которые «водил» артист, обретали гердтовскую пластичность, его биомеханику. Сергей Аполлинариевич Герасимов, наблюдавший Гердта во время работы за ширмой кукольного театра, писал: «Он отдал ей (кукле) все — жизнь, опыт, иронию, он словно бы становится рабом созданного им феномена. Но в этой кукле живет он сам». Меня в этой цитате больше всего занимает слово «феномен». Судьба артиста сама по себе феноменальна и резко отличается от множества самых счастливых судеб других актеров. На мой взгляд, его феномен, кроме всего, заключается в том, что он всегда как бы автор своих ролей. Бывали такие гениальные артисты, которые сочиняли для себя роли. Шекспир, например, Мольер и совсем недавний случай Эдуардо Де Филиппо. Мы не можем судить, какими актерами были Шекспир и Мольер. Что же касается Де Филиппо, я всегда в кинофильмах с его участием чувствовал в нем автора. Но ведь Гердт не написал множества сыгранных им ролей. А если бы он их написал, тогда бы и феномена не было.

КОГДА-ТО, рассказывая о Зиновию Гердте, я сравнил его судьбу с жизнью знаменитого Мориса Шевалье, который напел сотни пластинок, участвовал в десятках драматических спектаклей, снялся во множестве кинофильмов, прошедших с большим успехом, провел тысячи сольных вечеров, где пел в сопровождении оркестра, фортепиано, под магнитофон и наконец совсем не пел. А что же он делал? Разговаривал со зрителем. То же самое делает Гердт, заявивший, что он больше всего хочет читать стихи людям. Конечно же, чтобы собирать полные залы для такого разговора, надо стать Гердтом.

ПОЭТ Давид Самойлов, почти как все поэты, терпеть не мог, когда его стихи читали артисты, и лишь Гердт не только не раздражал его своим чтением, но глубоко волновал. Они стали друзьями. Пример их дружбы неповторим. Поэт Самойлов умер буквально на руках Гердта. На вечере, посвященном памяти Бориса Пастернака в Таллинне, Давиду Самойлову стало плохо. За сценой он потерял сознание. Потом на минутку пришел в себя, сказал спокойно что-то вроде: «Ребята, не хлопчите, я уже в порядке»... и умер.

Я ПОНИМАЮ девушек на шумной премьере, уставившихся на Зиновию Ефимовича, ищущего свое место в переполненном артистами зале. Когда он появляется на сцене, с ним вместе входит вся его жизнь — мужественная, горькая, веселая, а главное, честно прожитая. Он высоко поднял планку своего юмора, интеллектуальности разговора со зрителем, не считаясь с обывательскими представлениями о понятности и доступности. Зритель всех возрастов и профессий признателен ему за это, потому что тем самым он, зритель, становится одним из «тех, кто понимает».

Я ВИЖУ З. Гердта в кругу его друзей: Александра Володина, Виктора Некрасова, Булата Окуджавы, Давида Самойлова, Петра Тодоровского. В них есть что-то общее. Прежде всего, они солдаты Великой Отечественной. И, кроме того, сказавшие о своем времени главное и незабываемое. Часто слышим фразу: «Как сказал Зиновию Гердт». Недавно он сказал, что возненавидел «Лебединое озеро», которое непрерывно передавали по телевидению в первый день путча. Эти слова подхватило «Эхо Москвы» и потом повторяли все. Не к великому балету это, разумеется, относилось, но к тому, как его использовали в эти дни.

В последней своей роли в спектакле «Костюмер» по пьесе Рональда Харвуда Зиновию Гердт был партнером Всеволода Якута, блестящего представителя классической русской театральной школы. Вместе они составили великолепный дуэт, и в который раз артист доказал своим поклонникам, что его художническая палитра гораздо шире, чем они могли предположить. С этим мы и поздравляем замечательного мастера нашей культуры, человека высокой и неподкупной чести.

Михаил ЛЬВОВСКИЙ.

